

М.М. Бахтин и художественно-научное познание личности

Пергаменщик Л.А.

Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»

Тема художественно-научного познания личности сложная, требующая особого внимания и выхода за привычные исследовательские гносеологические рамки. Мы поставили перед собой непростую задачу понять, есть ли в литературе ресурсы для познания личности; есть ли основание считать, что литературные тексты – такой же надежный документ познания личности человека, как и материалы, полученные объективным психологическим инструментарием академической психологии.

Цель статьи – наметить возможность использования художественной литературы в качестве метода научного исследования для познания личности человека и понять, как в своей экспериментальной лаборатории писатель добывает сведения о своем герое.

Материал и методы. Мы имеем дело с художественным образом как результатом познания, полученного в экспериментальной психологической лаборатории писателя. При чтении текста мы воссоздаем внутренний мир героя («испытываемого», как сказал бы академический психолог), сопереживаем литературному герою, получаем в этом сопереживании не только отвлеченные объективные знания о возможностях человеческой души преодолевать кризисные события, но и драгоценный опыт собственной причастности к процессу преодоления. Здесь еще один важный ресурс художественной литературы для подготовки практических психологов: через художественную литературу происходит профессиональная подготовка психолога, где ведущей компетенцией становится умение сопереживать.

В ходе исследования были использованы следующие методы: систематизация и концептуализация научных идей, сравнительный и системный анализ трудов отечественных ученых.

Результаты и их обсуждение. Получение знаний о душевных страданиях и их проявлениях, добытых с помощью авторской вненаходимости, включает в себя: этап вживания и этап оформления в художественной образности в виде текста как особого культурного способа сохранения и трансляции подобного знания.

Художественный образ как результат познания позволяет нам при чтении воссоздавать внутренний мир героя, вынуждая нас сопереживать ему, получать в этом сопереживании не просто отвлеченные объективные знания о тайнах и возможностях человеческой души, но драгоценный опыт собственной причастности к ним.

Принцип Бахтина о ситуации вненаходимости и двух этапах познания позволяет другому (человеку, на которого направлена активность познания) стать любым, стать «всеми», тем самым открывает путь к познанию универсальности душевной жизни. То, что достигается в научной психологии в количественной парадигме множественностью испытуемых и приведением к среднему по группе с несбыточной надеждой вернуться к индивидуальной личности.

Заключение. Были намечены первые попытки связать психологию и литературу с целью использовать богатство последней в познании тех сторон личности, где научная психология не имеет возможности. Путь трудный, имеющий много препятствий, но крайне интересный и перспективный.

Ключевые слова: метод научно-художественного познания личности, сопереживание, М.М. Бахтин, авторская вненаходимость, понимающая психология.

M.M. Bakhtin and Artistic and Scientific Knowledge of the Individual

Pergamenshchik L.A.

Education Establishment "Belarusian State Maxim Tank University"

The topic of the artistic and scientific knowledge of the individual is complex, requiring special attention and going beyond the usual research epistemological framework. We have set ourselves a difficult task to understand if there are any resources in literature for learning about the individual? Is there any reason to believe that literary texts are as reliable a document of knowledge of a human personality as materials obtained by objective psychological tools of academic psychology?

The goal in this article is to outline the possibility of using fiction as a method of scientific research to learn about a human personality and first of all, to understand how the writer gets information about his character in his experimental laboratory.

Material and methods. We are dealing with the artistic image as the result of knowledge obtained in the experimental psychological laboratory of the writer. When reading the text, we recreate the inner world of the hero ("subject" as an academic psychologist would say), empathize with the literary hero, get in this empathy not only abstract objective knowledge about the capabilities of the human soul to overcome crisis events, but also precious

experience of their own involvement in the process of overcoming. Here is another important resource of fiction for the training of practical psychologists: through fiction; in professional training of a psychologist the leading competence is the ability to empathize.

To solve this problem, we used: systematization and conceptualization of scientific ideas, comparative and systematic analysis of the works of Russian scientists.

Findings and their discussion. Obtaining knowledge about mental suffering and its manifestations, obtained with the help of the author's outside-locality, includes: the stage of getting used to it and the stage of registration in artistic imagery in the form of a text as a special cultural way of preserving and transmitting such knowledge.

The artistic image as a result of knowledge allows us to recreate the inner world of the hero when reading, forcing us to sympathize him, to receive in this empathy not just abstract objective knowledge about the secrets and possibilities of the human soul, but the precious experience of our own involvement in them.

Bakhtin's principle of the situation of non-necessity and two stages of cognition allows the other (the person to whom the activity of cognition is directed) to become anyone, to become "everyone", thereby opening the way to the knowledge of the universality of spiritual life. What is achieved in scientific psychology in the quantitative paradigm is the multiplicity of subjects and the reduction to the average of the group with an unrealistic reliable return to the individual personality.

Conclusion. We have outlined the first attempts to link psychology and literature in order to use the richness of the latter in the knowledge of those aspects of personality where scientific psychology is not possible. The path is difficult, with many obstacles, but extremely interesting and promising.

Key words: method of scientific and artistic knowledge of personality, empathy, M.M. Bakhtin, author's outside-locality, understanding psychology.

Художественно-научное познание личности – сложная, требующая особого внимания и выхода за привычные исследовательские гносеологические рамки тема. Мы поставили перед собой непростую задачу понять, есть ли в литературе ресурсы для познания личности; есть ли основание считать, что литературные тексты – такой же надежный документ познания личности человека, как и материалы, полученные объективным психологическим инструментарием академической психологии.

Когда психологи обсуждают проблему связи психологии и искусства, а более узко психологии и литературы, большое внимание уделяют работе Л.С. Выготского «Психология искусства».

Идеи Б.М. Теплова имеют меньшее хождение в психологических аналитических работах. Чаще делают традиционный кивок в его сторону и идут дальше, что мы считаем несправедливым, так как Б.М. Теплов в не самое простое время для гуманитарных наук выдвинул принципиальный тезис о месте литературы в научной психологии и представил два примера, показывающих возможность литературного текста в понимании и изучении личности и поведения.

В 1947 году Борис Михайлович Теплов сформулировал программу¹ действий в направлении использования художественных произведений как научного метода. Независимо от Л.С. Выготского (его работы о Гамлете к тому времени не были опубликованы и, возможно, не были известны Б.М. Теплову), подключение художественных произведений к решению психологических задач Б.М. Теплов называет методом.

Анализ художественной литературы обычно не укладывается в число методов психологического исследования, – пишет Б.М. Теплов в 1947 году. Пишет с сожалением и одновременно в его тоне слышится удивительная для того времени уверенность, что ситуация должна безусловно измениться в лучшую сторону.

Ученый констатирует, что фактически психологи этим методом не пользуются. В те годы он нашел в текстах двух выдающихся психологов литературные образы, прекрасные литературные иллюстрации, прекрасные, но только иллюстрации, а ученый считал, что художественная литература может дать намного больше и глубже в понимании человека. Теплов указывает на два классических для советской психологии научных труда (две монографии): «Общая психология»² С.Л. Рубинштейна и «Мышление и речь» Л.С. Выготского.

Эти две работы, в которых появилась художественная литература, по мнению Б.М. Теплова, «производят впечатление чего-то не совсем обычного в "научном" психологическом сочинении» [1, с. 306].

Обратим внимание, что слово «научном» он закавычил, подчеркивая тем самым и необычность размещения литературы в психологии и отличие двух подходов в научном психологическом исследовании: изучение реальных людей принятым научным сообществом методами диагностики и изучение художественных образов, героев литературных произведений методом, который еще надо найти, понять, определить, обосновать.

Но все же Б.М. Теплов делает принципиальный вывод: «...художественная литература со-

¹ Подробный анализ вклада Б.М. Теплова в проблему использования художественной литературы как метода изучения личности провела и представила М.Я. Серебряная в статье «Художественная литература как метод научно-исследовательской работы» (Библиосфера. 2015. № 1. С. 15–20).

² Мы не оговорились: считаем работу С.Л. Рубинштейна монографией, несмотря на частые определения этой книги как учебника. Кстати, у авторов послесловия к двухтомнику «Основы общей психологии» (А.В. Брушлинский и К.А. Абульханова-Славская) (С. 250–284) не встречается термин «учебник» при замечательном анализе этого издания.

держит неисчерпаемые запасы материалов, без которых не может обойтись научная психология» [1, с. 306].

Б.М. Теплов оставляет для следующего поколения психологов две задачи: первая – развернуть доказательства тезиса о наличии научных материалов в литературе – задача методологическая (в настоящее время не только не решенная задача, но по существу и не принятая для рассмотрения научным сообществом); вторая – разработать принципы научно-психологического использования данных художественной литературы – задача методическая.

Несмотря на наличие великолепных образцов использования художественной литературы в психологии, эта задача специально не ставилась и естественно не решалась. Можно привести в качестве положительного примера имени двух ученых. Первый ученый В.П. Зинченко и его великолепная книга – «Посох Мандельштама и Трубка Мамардашвили» [2]. Однако, чтобы продолжить намеченный Зинченко путь по созданию «органической» психологии, необходим необычайный талант Владимира Петровича.

Второй автор А.А. Пузырей и его блестящий текст-послесловие к великолепной работе М. Зощенко «Перед восходом солнца» [3].

Б.М. Теплов признается, что ни первая, ни вторая задача не была решена в те далекие послевоенные годы. Что он сам предпринимает, чтобы задача сдвинулась? Он приступает к проведению научных исследований по проблеме становления (развития) личности, взяв для научного анализа произведения А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и «Моцарт и Сальери». Чем же он руководствовался, приступив к анализу литературы для получения научных материалов для психологической науки? Методологии использования художественной литературы для научных исследований в психологии в те далекие годы не было создано. Он решил пуститься вплавь научного исследования при отсутствии правил плавания.

Цель статьи – наметить возможность использования художественной литературы в качестве метода научного исследования для познания личности человека и понять, как в своей экспериментальной лаборатории писатель добывает сведения о своем герое.

Материал и методы. Мы имеем дело с художественным образом как результатом познания, полученного в экспериментальной психологической лаборатории писателя. При чтении текста мы воссоздаем внутренний мир героя («испытываемого» сказал бы академический психолог), сопереживаем литературному герою, получаем в этом сопереживании не только отвлеченные объективные знания о возможностях челове-

ческой души преодолевать кризисные события, но и драгоценный опыт собственной причастности к процессу преодоления. Здесь еще один важный ресурс художественной литературы для подготовки практических психологов: через художественную литературу происходит профессиональная подготовка психолога, где ведущей компетенцией становится умение сопереживать.

В ходе исследования были использованы следующие методы: систематизация и концептуализация научных идей, сравнительный и системный анализ трудов отечественных ученых.

Результаты и их обсуждение. В художественной литературе зафиксированы полученные знания о душевных страданиях и их проявлениях, которые добыты с помощью механизма авторской «внеаходимости».

Концепция «авторской внеаходимости» предложена М.М. Бахтиным и состоит из двух последовательных исследовательских этапов.

Первый этап концепции получил название «вживание».

Второй этап – «оформление» образов, полученных на этапе вживания в текст, который и призван сохранить полученную на первом этапе информацию для трансляции нового, только что полученного знания.

Мы имеем дело с художественным образом как результатом познания, полученного в экспериментальной психологической лаборатории писателя.

При чтении текста мы участвуем в воссоздании внутреннего мира героя (испытываемого в терминах академической науки), сопереживаем ему, получаем в этом сопереживании не только отвлеченные объективные знания о возможностях человеческой души преодолевать кризисные события, но и драгоценный опыт собственной причастности к ним.

Процесс сопереживания, механизм переживания – это то, что научная психология принимает с большой осторожностью, часто считая механизм переживания чем-то излишним, ненужным для научного познания, даже опасным. Почему с таким трудом категория переживания принимается академической психологией? Здесь мы обратили бы внимание на две причины.

Первая – есть опасность, размышляя с позиции академической психологии, которая сформировалась в рамках теории отражения, что отказавшись от своей главной идеи прародителя всего позднее достигнутого, заигрывание с категорией переживания может привести к изгнанию психологии со списка серьезных наук.

Вторая – объективность психологии определяется, в отличие от точки зрения Бахтина,

не внаходимостью, а отстраненностью, не включенностью в жизненную ситуацию человека исследуемого, а выходом из исследовательской жизненной ситуации³. В таком случае переживание только помеха объективности, научности, академичности. Мы, ученые, должны быть отстранены от жизни, которую изучаем, так как при принятии модели причастности исследователя к процессу исследования возникает опасность потери объективности и научности, которые понимаются как выход из диалога и переход к монологу: ученый выдвигает, анализирует, описывает условия жизни, а испытуемый соглашается и беспрекословно выполняет эти условия.

Другой методологический путь принимает литература, которая также изучает человека и рассказывает нам о результатах своего специфического исследования.

Гносеологический принцип Бахтина, его главная идея художественного познания личности включает два этапа познания, что позволяет отдельному человеку (человеку, на которого направлена активность познания) стать «другим», любимым, стать «всеми». Тем самым ученый открывает путь к познанию универсальности душевной жизни. В современной психологии, правда, душа изгнана из поля активности психологов (не без основания, как утверждает Б.М. Братусь). Но даже без души академическая психология, используя количественную парадигму, обязана иметь дело с множественностью испытуемых в поиске среднего по группе, с надеждой позже вернуться к индивидуальной отдельной личности. Задача нерешаемая и невыполнимая. Дело в том, что если процедура получения среднеарифметической личности описана хорошо, то обратная процедура получения из среднего индивидуальной не определена вовсе.

Литература использует другую схему познания личности: двумя этапами выделяет текст о случившемся и на третьем этапе знакомства (сопереживании) переводит индивидуальный взгляд на взгляд универсальный.

Чтобы понять и обосновать возможность и право наделять литературу возможностью изучения человека, мы обратились за помощью в понимании и решении этой проблемы к М.М. Бахтину – выдающемуся русскому философу, литературоведу, психологу.

³ Мы должны, правда, отметить существование феноменологического направления в науке вообще и в психологии в частности. Однако феноменологический метод для отечественной психологии все еще имеет экзотическое бытие (не было защищено ни одной психологической диссертации). Подробно о феноменологии и психологии можно прочесть в публикациях А.М. Улановского (Феноменологический метод в психологии, психиатрии и психотерапии // Методология и история психологии. 2007. Т. 2, вып. 1).

Повторим исходный тезис ученого. Главное звено в авторском художественном творчестве (познании) и читательском сотворчестве Бахтин определил понятием «внаходимость». Внаходимость есть нераздельное единство вживания в предмет – и сохранения позиции вне его, сохранения своей точки зрения на этот предмет. Таким образом, внаходимость определяется как двуединство познавательной деятельности. Слово Бахтину: «Я должен вчувствоваться в этого другого человека, ценностно увидеть изнутри его мир так, как он его видит, стать на его место и затем, снова вернувшись на свое, восполнить его кругозор тем избытком видения, который открывается с этого моего места вне его, обрамить его, создать ему завершающее окружение из этого избытка моего видения, моего знания, моего желания и чувства» [4, с. 24]. Итак, познавательная деятельность по изучению человека состоит из двух этапов: на первом этапе происходит процесс вживания; на втором этапе исследователь-писатель возвращается на свое место, с неким избытком того, что он получил в процессе вживания. Таким образом, эстетически-познавательная деятельность начинается с вживания, но благодаря внаходимости вернувшийся «на свое место» автор обретает некий «избыток видения», которого не может дать вживание само по себе.

Бахтин продолжает рассуждать: «Я должен усвоить себе конкретный жизненный кругозор этого человека так, как он его переживает; в этом кругозоре не окажется целого ряда моментов, доступных мне с моего места: так, страдающий не переживает полноты своей внешней выраженности, переживает ее лишь частично, и притом на языке внутренних самоощущений, он не видит страдальческого напряжения своих мышц, всей пластически законченной позы своего тела, экспрессии страдания на своем лице, не видит ясно-го голубого неба, на фоне которого для меня обозначен его страдающий внешний образ» [4, с. 25].

Мы видим, что «вживание» позволяет увидеть внутренний мир человека способом обнаружения себя в другом, но требуется ученому понять (познать), как внутренний мир отражается в позе тела, взгляде, мимике, собственно поведению нашего испытуемого.

Что из себя представляет технический аппарат «вживания»: художник, писатель, ученый в ситуации исследования в силу единства человеческой природы имеет возможность вжиться во внутренний мир другого. Но эта полнота внутреннего слияния не является, по мнению Бахтина, «последней целью эстетической деятельности». Более того, «...чистое вживание, связанное с потерей своего единственного места вне другого,

вообще едва ли возможно и, во всяком случае, совершенно бесполезно и бессмысленно. Вживаясь в страдания другого, я переживаю их именно как его страдания, в категории другого, и моей реакцией на него является не крик боли, а слово утешения и действие помощи. Отнесение пережитого к другому есть обязательное условие продуктивного вживания и познания и этического, и эстетического» [4, с. 5].

Возможность эстетической деятельности по познанию другого становится реализуемой только в ситуации принципиальной внеаходимости автора. Она (деятельность познания), как пишет Бахтин, начинается, «когда мы возвращаемся в себя и на свое место вне страдающего, оформляем и завершаем материал вживания; и эти оформление и завершение происходят тем путем, что мы восполняем материал вживания, то есть страдание данного человека, моментами, трансгредиентными всему предметному миру его страдающего сознания, которые имеют теперь уже не сообщающую, а новую, завершающую функцию: положение его тела, которое сообщало нам о страдании, вело нас к его внутреннему страданию, становится теперь чисто пластической ценностью, выражением, воплощающим и завершающим выражаемое страдание, и эмоционально-волевые тона этой выраженности уже не тона страдания; голубое небо, его обрамляющее, становится живописным моментом, завершающим и разрешающим его страдание» [4, с. 26].

Получение знаний о душевных страданиях и их проявлениях, добытых с помощью авторской внеаходимости, включает в себя:

- этап вживания;
- этап оформления в художественной образности в виде текста как особого культурного способа сохранения и трансляции подобного знания.

Художественный образ как результат познания позволяет нам при чтении воссоздавать внутренний мир героя, вынуждая нас со-переживать ему, получать в этом со-переживании не просто отвлеченные объективные знания о тайнах и возможностях человеческой души, но драгоценный опыт собственной причастности к ним. Процесс со-переживания, механизм переживания – это то, что научная психология не только не принимает, но и считает чем-то излишним, ненужным для научного познания. Объективность психологии определяется, в отличие от концепции Бахтина, не внеаходимостью, а отстраненностью, не включенностью в жизненную ситуацию человека исследуемого.

Принцип Бахтина о ситуации внеаходимости и двух этапах познания позволяет другому (человеку, на которого направлена активность

познания) стать любым, стать «всеми», тем самым открывает путь к познанию универсальности душевной жизни. То, что достигается в научной психологии в количественной парадигме множественностью испытуемых и приведением к среднему по группе с несбыточной надеждой вернуться к индивидуальной личности.

Итак, мы изложили метод научно-художественного познания личности по Бахтину, но любой критик может упрекнуть, что мы философско-филологический взгляд на познание человека предлагаем психологии, которая все же имеет свои принципиальные отличия в познании другого. Конечно, можно возразить, что принципиальных различий нет, если речь идет о качественной парадигме исследования личности, но все же...

В качестве аргумента возможности использовать принцип внеаходимости М. Бахтина обратимся к такому психотерапевтическому направлению, как «понимающая психология». Этот подход оформлен и описан в книге Ф.Е. Василюка «Психология переживания» [5]. Книга для кризисной психологии имеет исключительное значение, несмотря на то, что со дня ее выхода прошло 35 лет. Она посвящена проблеме критических жизненных ситуаций и процессов их преодоления. Обратим внимание на ту ее часть, где активно и показательно используется материал романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

Первоначально Ф.Е. Василюка смущает тот факт, что объектом анализа является не реальный человек, а литературный персонаж. Какую доказательность имеют данные такого анализа? Какого ученого психолога могут убедить эти литературные данные? Может ли ученый в принципе рассчитывать на выявление реальных, психологических закономерностей, например, в силу реализма изображения? Можно ли надеяться, что писатель, не выходя за пределы психологической достоверности в изображении действий и переживаний, не искажает психологических законов, т.е. можно ли зафиксированное в тексте рассматривать как психологическую реальность?

Исследуя психологические закономерности поведения персонажей, мы реконструируем реальность или всего лишь предлагаем взглянуть на мнение писателя об этой реальности? Ф.Е. Василюк решает рассмотреть исследование «переживания Раскольникова так, как будто он имеет дело с реальным человеком, определенный отрезок жизни которого добросовестно описан писателем» [5, с. 11]. Само исследование Ф.Е. Василюка позволяет рассеять высказанные им сомнения и продемонстрировать возможности метода, о котором размышлял Б.М. Теплов, но и с особой отчетливостью выявило ту область психологии,

где его применение особенно продуктивно и необходимо.

Что это за область, которую так внимательно и с такой эффективностью применил Ф.Е. Василюк? Это область личностного становления, которая так трудно поддается исследованию и где в силу разных причин как временного, так и этического характера ограничен эксперимент.

Однако в значительных литературных произведениях человек испытывается в различных, часто – критических, жизненных обстоятельствах или прослеживается жизненный путь героя в течение длительного времени, иногда даже от рождения до смерти. И это можно рассматривать как своеобразный мысленный эксперимент автора, который дает нам возможность заглянуть туда, куда заказан вход экспериментальной психологии, и позволяет психологу исследовать процессы, ускользающие от всех прочих методов нашей науки.

Это существенно расширяет территорию психологического исследования душевных проявлений человека в сложных, драматических жиз-

ненных ситуациях или изменений характера на протяжении целой жизни.

Закключение. Итак, мы наметили первые попытки связать психологию и литературу целью использовать богатство последней в познании тех сторон личности, где научная психология не имеет возможности. Путь трудный, имеющий много препятствий, но крайне интересный и перспективный.

Литература

1. Теплов, Б.М. Заметки психолога при чтении художественной литературы / Б.М. Теплов // Избранные труды: в 2 т. / Б.М. Теплов. – М.: Педагогика, 1985. – Т. 1. – 328 с.
2. Зинченко, В.П. Посох Мандельштама и Трубка Мамардашвили. К началам органической психологии / В.П. Зинченко. – М.: Новая школа, 1997. – 336 с.
3. Пузырей, А.А. Драма неизлеченного разума (Михаил Зощенко и его «Опыт о человеке»: заметки психолога) / А.А. Пузырей // Повесть о разуме / М.М. Зощенко. – М.: Педагогика, 1990. – 192 с.
4. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
5. Василюк, Ф.Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций / Ф.Е. Василюк. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 240 с.

Поступила в редакцию 14.10.2020